

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЮЖЕТ

УДК 82-94

А. Устинов

Сан-Франциско, США

БИОГРАФИЯ КАК СЮЖЕТ: «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА» А. ВЕТЛУГИНА

Статья посвящена американскому периоду биографии журналиста и писателя Владимира Ильича Рындыюна (1897–1953), более известного как писатель «А. Ветлугин» и продюсер Voldemar Vetluguin. Автор прослеживает тридцать лет жизни Ветлугина, с того момента, как в феврале 1923 г. он принимает решение остаться в Америке, а также показывает, как отдельные эпизоды его американского пребывания становились сюжетами репортажей в эмигрантской прессе, часто не отделявшей реальные события от вымысла и даже клеветы.

Ключевые слова: биография, сюжет, эмиграция, Русский Берлин, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сергей Есенин, Айседора Дункан, Александр Кусиков, эмигрантская пресса, русская газетная журналистика

What doesn't kill you makes a good story.
Американская поговорка

Покидая после четырех с небольшим месяцев Северо-Американские Соединённые Штаты на трансатлантическом лайнере «Джордж Вашингтон» компании «United States Lines», Сергей Есенин писал своему другу-закадыке поэту Александру Кусикову 7 февраля 1923 года:

Милый Сандро!

пишу тебе с парохода<> на котором возвращаюсь в Париж! Едем вдвоем с Изадорой. Ветлугин остался в Америке. Хочет пытать судьбу по своим «Запискам»<> подражая человеку с коронковыми зубами.

Об Америке расскажу после. Дрянь ужаснейшая<> внешне типом сплошное Баку, внутри Захер-Мэнский<> если повенчать его на Серпинской [1, p. 151]¹.

¹ Факсимиле: там же, вклейка между с. 252–253. В этом пассаже упоминаются литераторы Нина Серпинская (1893–1955) и Николай Захаров-Мэнский (1895–1942), последний как иначе чувствующий – в каламбурной контаминации с фамилией Леопольда фон Захер-

Устинов Андрей – доктор филологических наук, преподает гуманитарные дисциплины в Сан-Франциско; специалист по истории русской культуры XX века (abooks@gmail.com)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 224–239.

© А. Устинов, 2016

С. Есенин и А. Ветлугин. 1922 год

«Человек с коронковыми зубами», а точнее – «человек с одиннадцатью платиновыми коронками», – главное действующее лицо последней, одиннадцатой главы романа А. Ветлугина «Записки мерзавца. Моменты жизни Юрия Быстрицкого», изданного в 1922 году в Берлине с посвящением «Сергею Есенину и Александру Кусикову» [4, с. 12; 5, с. 282]. Именно эту главу накануне выхода своего романа в свет Ветлугин напечатал в «Литературном приложении» к газете «Накануне» [6, с. 3–7]. Еще раньше на страницах «Литературного приложения» были напечатаны его развернутые очерки: в самом первом номере – «Сентиментальный убийца»², а чуть позже – «Нежная болезнь» о Есенине [8, с. 5–6]. В этой статье,

Мазоха: «Его дразнили Захаровым-Женским, Захаркой Мэнским, “кавалерственной дамой” (по строкам его стихотворения), “сестрицей милосердия” и Захер-Мэнским. Два последних прозвища придуманы Есениным, который, насколько можно судить, относился к нему лучше многих: вероятно, по вечному сочувствию к гонимым. (“Я не был ни близким другом, ни закадычным его приятелем”, – вспоминал наш герой (Захаров-Мэнский. – А. У.) в некрологической речи 1926-го года, предворяя мемуарный очерк о нем)» [2, с. 129]. Серпинская же называется здесь не столько даже как образец богемной и «легкомысленной дилетантки», чьи стихи «сосредоточены вокруг одной темы: интимные любовные переживания», сколько из-за ее прогремевшего романа с «партийным начальником»: «Переплетенные богемной психологии и “строчек Маркса, падающих на кровать”, – смешной и грустный итог ее творчества» [3, с. 190].

² «Александра Кусикова я знаю довольно подробно. И поэта и человека. Поэта – читал, и многое запомнил наизусть; с человеком встречался, гулял по Курфюрстендам, пил вино, ужинал и однажды даже в Берлинский комиссариат ходил» [7, с. 8]. Нельзя не заметить, что здесь же напечатано выступление Кусикова «Всякие случаются вещи» – «по поводу» выхода журнала «Вещь», где он имитирует стилистику Ветлугина и, в частности, использует придуманный им термин «Третья Россия»: «А я это к тому, что недавно в Берлине, в русском Берлине, в так называемой “Третьей России” вышел журнал под редакцией Эренбурга и Лицкого. Называется журнал этот – “Вещь”, и предназначается для первой России, для настоящей. Очень прошу запомнить место действия и время действия – “Третья Россия” и 1922 год» [7, с. 5].

написанной в поддержку Есенина и его выступлений в «Русском Берлине», Ветлугин, в том числе, пояснял свое восхищение обоими поэтами:

Встретившись сперва с Кусиковым, потом через два месяца с Есениным, я услышал пульс их поэзии с ясностью, будто он у меня самого и бился. Одно

за другим прочел их новые стихотворения: много рассказов о взаимных мытарствах, разочарованиях. Баррикада падала и куча смывалась. Как раз в эту минуту зазвучали негодующие голоса профессиональных отравителей.

На явление Есенина Курфюрстендамм ответил... Lolo и еще одним четырехбуквенным вроде «Мэри». Это было последним решающим доказательством моего с вновь прибывшими родства в эпохе, необходимости стойко, взявшись за руки, стеной проламывать дорогу нашей эпохе.

...Ведь Россия так грозно, так грозно похожа
На беспокойный почерк Петра Великого!
(К у с и к о в)

Это было лишним доказательством того, какого значительного поэта наша эпоха имеет в лице Есенина. Его творчество примиряло, сближало... [8, с. 6].

Как пишет Ветлугин в эпилоге романа, «рассказом “человека с одиннадцатью платиновыми коронками” заканчиваются записки Юрия Быстрицкого, опубликованные мной со всей полнотой, несмотря на протесты издательской стыдливости» [5, с. 373], – хотя роман на этом не заканчивается. Более того, вопреки высказанному в «предисловии» предположению о том, что героя романа больше нет, «о его долгожданной смерти»: «В зацветающих ли лугах английского нагорья, на дюнах ли Нормандии или еще где – куда только не швыряла, не метала судьба Юрия Быстрицкого! – старый добрый офицерский наган нашел, наконец, правильное применение, и – жестокие узкие губы, громадные мечтательные глаза, маленькие девичьи уши – всё это развеялось, сгорело, исчезло» [5, с. 282], – в заключение автор, напротив, пишет об этом «проклятом резонере» как о вполне живущем, временное расставание с которым вызвано обстоятельствами.

Надеюсь, что Вы не слишком обеспокоены ни моим отсутствием, ни тем, что я вообще испаряюсь из Константинополя, – предупреждает Быстрицкий автора в последнем письме. – Случились разные случаи. Бывает такое небо и всё прочее. Оставляю Вам в наследство саквояж. Шелкового белья в нем не найдете. Проиграю. Но порываться поройтесь. Есть кое-что на любителя. Венков не возлагайте, если даже в скором времени предприиму свой далекий вояж; как мы установили совместно: человеческая жизнь не перец – ее везде достаточно [5, с. 377].

«Далекий вояж», зарифмованный здесь с саквояжем, из содержимого которого извлечены «Записки мерзавца», – это, разумеется, кивок в сторону Ф. М. Достоевского, обыгрывание афоризма Аркадия Свидригайлова: «...коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку» [9, с. 394]³, – а история «человека с одиннадцатью платиновыми коронками», который волею судеб оказывается в Сан-Франциско, – обыгрывание другого афоризма, автором которого был Оскар Уайльд, столь почитаемый Ветлугиным: «It's an odd thing, but

³ Или же: «Ну, в Америку собираться да дождя бояться, хе-хе! Прощайте, голубчик, Софья Семеновна! Живите и много живите, вы другим пригодитесь» [9, с. 385].

anyone who disappears is said to be seen in San Francisco»⁴. Строкой из V части «Баллады Редингской тюрьмы» Уайльда заканчивается ветлугинский роман⁵, впрочем, заканчивается на полуслове, подсказывая неминуемое продолжение повествования, местом действия которого предполагается если не непосредственно Сан-Франциско, то непременно Америка.

Если первый роман Ветлугина читался современниками как полуавтобиографический⁶, хотя был написан на сочетании его личных переживаний и чужих историй времен Гражданской войны, что, собственно, и принесло успех «Запискам мерзавца», то для написания следующей книги ему потребовались совершенно новые впечатления, которые и могла предоставить Америка. Резонно предположить, что «Записки мерзавца» заканчиваются историей русского американца, внутри которой содержится еще одна история русского американца, именно с тем, чтобы авторское повествование обрело законное продолжение именно в новом свете.

Успех «Записок мерзавца» заключался в своевременности книги. Эту способность оказываться «в нужное время в нужном месте» можно по праву считать едва ли не определяющей чертой биографии Ветлугина⁷. Такая возможность отправиться в САСШ представилась ему благодаря собственной целеустремленности и доброму отношению Айседоры Дункан, уроженки Сан-Франциско. Ее тень мелькает в «Записках мерзавца» как легкий намек на исполнение желаний, как неожиданная предпосылка того, что литературная выдумка может невзначай обернуться реальностью:

⁴ «Довольно странно, но стоит человеку исчезнуть, как говорят, что его видели в Сан Франциско» (см.: [10, с. 57]).

⁵ «<...> Улетучиваясь, хочу Вам напомнить строку Уайльда – единственную строку, кольнувшую меня во всех двенадцати томах маэстро церемоний. Ah happy they whose hearts can break... <...>». Строку из Уайльда ставлю эпиграфом к запискам этого проклятого резонера» [5, с. 377]. Это первая строка следующего шестистишия из «Баллады Рэдингской тюрьмы» («The Ballad of Reading Gaol», 1897):

Ah! Happy they whose hearts can break
And peace of pardon win!
How else may man make straight his path
And cleanse his soul from sin?
How else but through a broken heart
May the Lord Christ enter in?

Наиболее удачный перевод этого «литературного завещания» Уайльда принадлежит Нине Воронель: «Как счастлив тот, кто смыл свой грех / Дождем горячих слез, / Разбитым сердцем искупил / И муки перенес, – / Ведь только к раненым сердцам / Находит путь Христос»; приведу также перевод Валерия Брюсова, которого Ветлугин считал литературным мэтром: «О, счастлив тот, чье сердце может / Разбиться на пути! / Как иначе очистить душу / И новый путь найти? / Когда не в глубь сердец разбитых, – / Куда Христу сойти?».

⁶ Это мнение превалировало и со временем не поменялось. Много лет спустя, вспоминая посетителей редакции журнала «Новая русская книга», где он выполнял поручения, Р. Б. Гуль так характеризовал Ветлугина: «А. Ветлугин (В. И. Рындзюк <sic!>), хлесткий, циничный литератор, автор, к сожалению, неудавшейся автобиографической повести “Записки мерзавца”» [11, с. 85].

⁷ «Не пересчитать изгибов этой биографии. Любой современник в наши дни чуть что не Рокамболь. <...> биография А. Ветлугина кажется наисовременнейшей» [12, с. 9].

Петр Федорович гневно заявляет, что всей Москве известно его отвращение к балету как низшему роду синкретического искусства и что, следуя за комментариями Вилламовица к книге Ницше, любой профан без труда поймет его мысль...

Час от часу не легче. Ну, а Айседора Дункан? Гром и молнии. Босых Петр Федорович любит в постели, а не на сцене... Вот и поговори с ним сегодня [4, с. 89; 5, с. 310].

Неожиданно биография автора начинала обращаться сюжетом грядущего романа.

Расположив к себе Сергея Есенина и Айседору Дункан, «кандидат права» Ветлугин (как он именовался в русских газетах) благополучно покидает Берлин и 25 сентября 1923 года отплывает вместе с ними из Франции в Нью-Йорк. На борту стимера «Париж» на пару с Есениным он готовит заявление для прессы [13, с. 273]⁸, которое будет напечатано в «New York Times», «New York Tribune», «New York Herald», «New York World». Таким образом, Ветлугин оказывается в роли не только секретаря и переводчика Есенина, но и фактотума, официального сопровождающего этой четы⁹. 1 октября 1923 года они прибывают в Нью-Йорк и препровождаются в карантин:

В первый день октября 1922 г., когда пароход «Париж» медленно шел по Нью-Йоркскому заливу мимо статуи Свободы, чиновник иммиграционной службы сообщил Айседоре Дункан, что ей не разрешается сойти на берег. Ни ее мужу, ни их секретарю Владимиру Ветлугину также не было разрешено ступить ногой на землю, о которой Айседора так много им рассказывала. Чиновник был очень вежлив, но не слишком учтив [14, с. 104].

Такой, казалось бы, нерадушный прием (впрочем, карантин продолжался всего сутки) никоим образом не смущает Ветлугина, который победно, хотя и не без скандалов, проводит американское турне Дункан и Есенина, перемещаясь с ними из города в город и, в основном, оставаясь на заднем плане. Тем не менее много лет спустя его припомнит Сол Юрок (Sol Hurok, 1888–1974), импресарио Дункан, когда возьмется рассказывать о ее гастролях в Мемфисе:

Однажды вечером во время турне она, Есенин и Владимир Ветлугин выехали из Мемфиса и поужинали за городом в придорожном ресторане, изрядно выпив запрещенного тогда алкоголя. Есенин, как водится, стал неуправляем, произошла шумная ссора, и Айседора с Ветлугиным взяли единственное такси и уехали назад в город, бросив поэта в смокинге под проливным дождем. Он вернулся в Мемфис пешком по колено в грязи и притащился в гостиницу утром совсем запаханным (цит. по: [1, p. 129]).

Е. Д. Толстая категорически точно оценивает роль Ветлугина в судьбе этой четы на протяжении четырех месяцев их американского путешествия:

Напрасно Дон Аминадо строил миф о Ветлугине – самозванце, не знающем английского языка. Ветлугин служил <...> не только переводчиком. Он еще и проводник по непонятному западному миру (хотя и он в Америке очутился впервые), он быстро соображает и принимает решения. Какие еще роли пришлось Ветлугину играть во время этой поездки? Кроме няньки, опекуна, фактотума, посредника, пытающегося смягчить впечатление от скандального поведения своего друга в Нью-

⁸ Близкая подруга Дункан Мэри Дести (Mary Desti, 1871–1931) аттестует Ветлугина как «русского секретаря ее молодого мужа».

⁹ Полный текст заявления приводится в воспоминаниях Дести. См.: [13, с. 274].

Йорке <...> – всегда превосходно осведомленный Ветлугин скорее всего был на шаг впереди Есенина в ознакомлении с Америкой [15].

Завершая довольно продолжительный рассказ о Ветлугине в своих воспоминаниях «Поезд на третьем пути», Дон-Аминадо приводит фрагмент из его «февральского письма» 1922 года, где тот непредвзято сообщает о своих планах:

Я живу одиноко, ни на какую родину не поеду, а если куда и поеду, то на родину Генри Форда, в Америку.

В ожидании чего пишу памфлеты и романы и продаю на корню.

Содержание их неважное, а названия первый сорт.

Судите сами:

«Записки мерзавца».

«Лицо, пожелавшее остаться неизвестным».

И «Иерихонские трубачи».

В последний раз жду от вас ответа и жму руку.

Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин [16, с. 263] ¹⁰.

Сообщив об отъезде Ветлугина, Дон-Аминадо посчитал необходимым подвести черту под их отношениями: «Этим последним и, в некотором роде, тоже человеческим документом четырехлетний роман был исчерпан. <...> Расчет был сделан, сальдо в пользу Америки оказалось бесспорным» [16, с. 263]. На самом деле, это был всего лишь беллетристический ход. Как заметила И. З. Белобровцева, в сохранившихся письмах Ветлугина нет «сообщения о решении уехать в Америку. Дон-Аминадо забегают вперед и использует, возможно, собственные воспоминания, но скорее образ журналиста Владимира Лисовского из публиковавшегося в 1931 г. в журнале “Новый мир” романа А. Н. Толстого “Черное золото”. Именно там во внутреннем монологе Лисовского, прототипом которого послужил А. Ветлугин, появляется ода Америке: “В конце концов ему было наплевать на белых и на красных, на политику, журналистику, на Россию и всю Европу. Все это он равнодушно презирал как обнищавшие задворки единственного хозяина мира – Америки. <...> У меня будет собственная вилла в Голивуде <так!>, хотите пари, сволочи, хотите пари?..”» [17, с. 211].

Так пребывание Ветлугина в Америке приобрело литературные черты не столько его личной, сколько некой общей «американской мечты». В пользу «американской мечты» сыграло и его решение остаться там после отбытия Есенина и Дункан. При этом для эмигрантской прессы Ветлугин оставался неотъемлемой составляющей этой четы.

Всегда быстро реагирующая на мимолетные (и неподтвержденные) слухи и моментально доводившая их до сведения своих читателей рижская газета «Сегодня» поместила сообщение «Есенин возвращается в Москву» [18, с. 2] ¹¹, за которым незамедлительно последовал фельетон вездесущего А. Яблоновского «Морганатический супруг», где он объявил Есенина «советским Гомером» («Есенин потому и интересен, что он с головы до ног – советский. <...> Не русский, а именно “советский”») и предостерег читателей от лишнего почитания поэта: «Этот советский Гомер за два-три месяца “работы” сделал столько, что теперь и в Европе, и в Америке “семь городов” спорят за честь посадить его в свою кутузку» [20, с. 3]. Мотив «кутузки», возможного ареста и других административ-

¹⁰ Как можно судить по публикации писем А. Ветлугина к Дон-Аминадо, в воспоминаниях совмещены два его письма из Берлина: от 22 февраля и 20 марта. См.: [17].

¹¹ Перепечатано за подписью «Свидетель» из варшавской газеты «За свободу!» [19]; подпись: «Z».

ных неприятностей неотъемлемо сопутствовал заграничному путешествию Есенина и Дункан и примкнувшего к ним Ветлугина, оказываясь едва ли не обязательным в газетных репортажах, особенно в прессе, предназначенной «для широкого читателя».

Та же газета «Сегодня» 29 марта 1923 года – как раз в тот день, когда в Берлине были назначены совместные поэтические чтения Есенина и Кусикова [21, с. 5]¹², – опубликовала провокационную заметку «Гражданство г-жи Дункан», суть которой сводилась к тому, что Дункан могла получить отказ в американском гражданстве по причине ее плохого «нравственного поведения»: «Министр юстиции полагает, что Айседора Дункан нехорошо себя ведет, так как она, во-первых, вышла замуж за большевика, а во-вторых, она как-то неодобрительно отозвалась о политическом и экономическом строе Соединенных Штатов». Вопреки откровенной глупости, высказанной в предшествующем пассаже, автор приходит к неутешительному выводу: «Придется знаменитой танцовщице остаться, очевидно, гражданкой Сов.<етской> России» [22, с. 2].

Эта заметка вторила решительно откровенной отсебятине, напечатанной в предыдущем выпуске «Сегодня» и предшествовавшей сообщению I. T. A. (International Telegraph Agency) о случившейся 26 марта 1923 года в Париже смерти Сары Бернар:

Знаменитая тройка Дункан – Есенин – Ветлугин, выехавшая в свое время в Америку, – распалась. Первые двое, как известно, в разводе. Ветлугин же недавно арестован в Чикаго по обвинению в вымогательстве.

Автор «Записок мерзавца» пытался шантажировать одного богатого еврея, выходца из России, написав памфлет, который он решил издать, но предварительно показал его с целью вымогательства герою памфлета. После суда Ветлугин будет выслан из Америки [23, с. 3].

Эта корреспонденция неделю спустя была подхвачена парижской (а в рамках русской эмиграции читай: «столичной») газетой «Последние новости», где она была «доработана» за счет додуманных пикантных деталей и неременной расстановки акцентов, прежде всего относительно политических предпочтений Ветлугина. Поскольку здесь были обнародованы сведения, понятным образом не поддающиеся верификации, «Сегодня» была указана основным и единственным источником информации.

Оттуда эта информация перекечевала в берлинскую газету «Руль», открыто враждебную по отношению к «Накануне», где Ветлугин до своего отъезда печатался с заметной регулярностью¹³:

¹² «Вечер Есенина и Кусикова» состоялся в Klindworth-Scharwenka-Saal (Lützowstraße 76).

¹³ Претензии Ветлугина к «Рулю» имели свою историю. В отчете о первом литературном «Московском вечере» (носившем название «Мне хочется вам нежное сказать»), который состоялся 1 июня 1922 года и поводом для которого стал приезд в Берлин Есенина, обозреватель газеты А. Лютер написал одинаково нелицеприятно обо всех его участниках, в особенности о Ветлугине: «Вышедший затем “кандидат прав” Ветлугин, который должен был говорить о голых людях, успел только сказать, что он голый. Шумный хохот собравшихся приостановил его излияния, так что публика не могла узнать дальнейший ход мыслей почтеннейшего кандидата в этом направлении. Он указал на то, что <...> несмотря на гнилую курфюрстендамскую эмиграцию, несмотря на все эти препятствия, представители русской литературы и искусства, находящиеся в разных лагерях, протягивают друг другу руку для объединения, и этому объединению никто не сможет помешать» [24, с. 4]. В появившемся на следующий день в «Накануне» ответном отчете выпады «Руля» благополучно парировались, и читателям была представлена прямо противоположная картина

Знаменитая тройка Дункан – Есенин – Ветлугин, выехавшая в свое время в тур-не по Америке, как известно, распалась. Первые двое не сошлись во взглядах и расстались, а Ветлугин во второй раз «сменил вехи», да так неудачно, что угодил в тюрьму. Не за политику, а за вымогательство. Так по крайней мере уверяет газ.^{<ета>} «Сегодня».

Случилось это так. Блестящий сотрудник газеты «Накануне» ввиду плохих дел надумал прошантажировать одного богатого еврея в Чикаго, выходца из России. Написал пасквиль и перед тем, как сдать рукопись в типографию, показал ее указанному богатому еврею. Тот не только денег не дал, но обошелся с писателем грубо и даже позвал полицию. И посадили А. Ветлугина в тюрьму. Карьера автора «Записок мерзавца» закончилась. А, впрочем, может быть, только началась ([*Без подписи*] Карьера А. Ветлугина [26, с. 3]).

Несмотря на предположения газет, весну 1923 года Ветлугин провел не в Чикаго, а сначала в Кливленде и позже в Нью-Йорке, куда переехал по настоянию поэта, художника и основателя кубофутуристической группы «Гилея» Давида Бурлюка, своего знакомого еще с дореволюционного времени¹⁴. Как раз в марте этого года Бурлюк начал сотрудничать с «самой распространенной в Соединенных Штатах и Канаде ежедневной кооперативной газетой» «Русский голос». Выступая в роли литературного обозревателя и редактора, он пригласил Ветлугина к сотрудничеству в роли корреспондента и репортера. Основной курс этой газеты, которая была основана И. К. Окунцовым как кооперативная и беспартийная, в 1920 году был безоговорочно просоветским. Однако в качестве стартовой площадки для журналистской карьеры «Русский голос», как самая читаемая русская

вечера: «...публика сообразила, что нужно сделать. Она встречала и провожала всех “трех каторжников” (название вступительного слова Алексея Толстого. – А. У.) шумными аплодисментами, восторженно приветствовала гениального крестьянина в душно шитом смокинге <Есенина> и огненного черкеса <Кусикова>, и едкого кандидата прав <Ветлугина>. А с эстрады “нежно говорили”:

– Господа проф<ессиональные> эмигранты! И вы, посещающие Внешторг с заднего крыльца, и вы, “с заплывшим брюхом” с Курфюрстендамма, – смотрите, как капризен русский гений. Он дышит – где и как хочет. Минует брезгливо благоустроенных господ из Ульштейнгауза с их “общезвестным идеалом”; осеняет буйные головы “голых людей”, не отделяющих себя от грозной русской действительности. Вы сдаете революцию в архив, они ее творчески переживают и воплощают. Вы забыли русский язык и пишете “Зало было переполнено”. “Каторжники” развертывают перед вами такие красоты русской речи, что и ваши убогие души трепещут от невольного восторга. Вы хотите свистнуть, но лица ваши складываются в кислую улыбку; руки, созданные для ударов из-за угла, – автоматически рукоплещут. <...>

Читались прекрасные вдохновенные стихи, которым только мелкий тупица не простит их бестрепетной смелости. И говорились прекрасные слова о примирении личности с левиафаном революционного коллектива; о неотразимом стремлении к братскому объятию людей, трагически разъединенных жестокой нелепостью гражданской войны. А вы не могли даже столкнуться в том, было ли полно или пусто пресловутое “зало”?» (А. В. «Мне хочется вам нежное сказать» [25, с. 6]). Как справедливо подметила Е. Д. Толстая, «...данный текст, с рассыпанными намеками на внутреннюю информацию, кажется написанным самим Ветлугиным, у которого были все основания воспринять заметку из “Руля” как личное оскорбление» [15].

¹⁴ В своей автобиографии 1924 г. Бурлюк писал: «В 1915 году умер мой отец. В этом году мы владели маленьким старинным имением Михалево около станции Пушкино. Здесь у меня В. Хлебников, который с 1918 года жил у меня годами. Познакомился с А. Ветлугиным» [27, с. 44].

газета в Америке, подходил идеально¹⁵. Кроме того, числясь сотрудником газеты, Ветлугин мог рассчитывать на более долгосрочное пребывание в Америке. Летом 1923 года он вернулся в Берлин, прежде всего как раз за тем, чтобы продлить американскую визу, и одновременно выполняя поручения редакции «Русского голоса».

Разумеется, что до Ветлугина дошли сообщения о его аванюре, аресте и конце карьеры. Его отповедь европейской эмигрантской прессе с датой «Июль 1923 г.» была напечатана в «Накануне» в виде обращения к главному редактору газеты Г. Л. Кирдецову (1880 – не ранее 1940). В этом «письме в редакцию» Ветлугин называет «источником клеветы» председателя арбитражной комиссии Союза русских писателей и журналистов в Париже. Вероятно, имеется в виду автор упоминавшегося выше памфлета «Морганатический супруг», фельетонист А. А. Яблоновский (1870–1934):

Уважаемый гр. Редактор.

За мое годовое отсутствие из Европы клевета окончательно превратилась в главное орудие производства эмигрантской прессы. Приблизительно месяца два назад ко мне стали поступать слухи об известиях, распространяемых обо мне «Посл<едними> Нов<остями>» и «Рулем».

Эти добрые самаритяне пожелали видеть меня «сидящим в чикагской тюрьме за шантаж». Нужды нет, что многие и многие из их сотрудников хорошо знали, что я не сижу и не сидел в тюрьме, что я не занимаюсь и не занимался шантажом, что я, наконец, никогда не был в Чикаго... Наиболее грустно, что это гнусное, заведомо лживое сообщение, грозящее тюрьмой его авторам покрывалось именем редактора «Посл<едних> Нов<остей>» и председателя союза журналистов, П. Н. Миллюкова. Это поистине траур.

Два месяца я ждал, что эти люди опомнятся и сконфузятся. Но, по-видимому, на месте былой их «этики» появилось правило: «Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose»¹⁶. Они играли на дальности расстояния: поезжай и проверь...

При отсутствии арбитражных инстанций (председатель парижской арбитражной инстанции <=> источник клеветы) – у меня остается единственное средство самозащиты – привлечение всех подобных «этиков» к уголовному суду за квалифицированную клевету. Я так и делаю.

Впрочем, я не лыщу себя излишними надеждами на педагогическое значение грядущего приговора. Эмиграция не может отказаться от клеветы: это ее кислород [28, с. 5].

Получив визу, в октябре 1923 года Ветлугин отправился в Америку, теперь уже без какого бы то ни было намерения снова вернуться в Европу, как следует из его доверительного письма к Есенину:

*В океане,
6 октября 1923 г.*

Милый Сережа,

только уже перед самым отъездом, проезжая через Париж, встретил Мирского и получил твое письмо. Очень хочу считать его искренним. Желание мое платонич-

¹⁵ История сотрудничества Ветлугина в «Русском голосе» освещается в указанной статье Е. Д. Толстой. См.: [15].

¹⁶ «Клеветайте, клеветайте, всегда что-то найдется» (*фр.*) – поговорка, которая приписывается Фрэнсису Бэкону или Пьеру-Огюстену Карону де Бомарше.

но донельзя. И раньше, – когда всё гремело и кипело, – нам нечего было с тобой делить. А теперь, когда «в моей душе, как в океане» и т. д., и говорить нечего.

Всё это уже прошло, отгремело, как революция. Сегодня каждый начинает жить по-особому, в стать собственной глупой мудрости. Напрасно только ты подтруниваешь над моей «философией». Кто знает – в последний день что окажется ценнее (не в ломбардном, а в Иововском смысле): пафос ли Пугачева или неколебимая радость веснушчатого ирландца Мак-Дональда, – помнишь, с нами ездил театральный техник – с его 32 000 долларов и изумительной сестрой в Кливленде¹⁷. Впрочем, ты его никогда бы не понял и не оценил. Ты еще в революции. Я уже на «отмени времен», где вопреки мнению тишайшего Лундберга – увы или ура – не осталось даже «отвращения к косности». Тебя ужаснул задний двор – литературная шатия, – меня перестал радовать и самый для дураков выштукатуренный фасад – Искусство (и с большого и с малого «И»).

Перестав играть с самим собой, я не вижу библейской радости ни от недоказанных танцев, ни от завершеного Пушкина. Есть вкусовые и зрительные ощущения. Остальное от лукавого в воспитании либо от восторженного в тщете.

Ты ушел в Москву («творчество»), я еду в ненавистную тебе Америку (мечта об юдоли Мак-Дональда).

Мне мое имя – строка из паспорта, тебе – надпись на монументах. Мою смерть отметят в приходо-расходной книге крематория, твоя воспламенит Когана¹⁸, если он тебя переживет (а «он» всех переживет).

Но, выбирая меж 32 000 000 читателей Есенина и 32 000 долларов Мак-Дональда, счастливую рубашку хочу снять не с тебя, а с него. Ты и подлинно скиф, меня же веселит отель, бар, аэроплан, шелковое женское белье, венецианский дворец дождей, суп у Voisin и устрицы Prunier. Во всем этом самым серьезным образом я полагаю единственную реальную ценность. Это уже не красноречие и не мелодекламация. Быть Рокфеллером значительнее и искреннее, чем Достоевским, Есениным и т. д.

И в этом мое расхождение с тобой. Ты никогда не научишься смотреть на корабли, проходящие мимо. Ты весь из междометий. Я не люблю любить, презираю ненавидеть, обожаю официальную вежливость, ценю холодное презрение, кроткую фальшь предпочитаю бурной правде. Ты потрясен и оскорблен ложью мира. Я ласково подчиняюсь.

Это не трактат о «ты» и «я». Просто объяснение, почему мы никогда не смогли бы сойтись. О тебе вспоминать буду всегда хорошо, с искренним сожалением, что меряешь на столетия и проходишь мимо дней. Американский мёд горек, но, видно, в нем я и умру. Если вздумаешь написать: 141 West 70 Street. Mr. Vetlugin. New York city.

Твой А. В.¹⁹

Сотрудничество Ветлугина в «Русском голосе» не прошло бесследно. Несколько лет спустя его сотрудничество в этой газете было вынесено эмигрантской прессой на общественное обсуждение, а его имя было обращено в одиозное выражение эмигрантской политической беспринципности. Эта история спровоцировала открытое противостояние двух ведущих эмигрантских газет, сопровождавшееся резкими печатными пикировками.

¹⁷ То есть в Кливленде (Cleveland), штат Огайо.

¹⁸ В письме упоминаются литературные критики Д. П. Святополк-Мирский, Е. Г. Лундберг и П. С. Коган. Лундберг рецензировал «Трерядницу» Есенина в берлинской газете «Новый мир» (1 января 1922 года) и вспоминал его в «Записках писателя» (Берлин, 1922). Коган писал о Есенине неоднократно; здесь имеется в виду его статья «Литературные силуэты. Есенин» [29].

¹⁹ Письмо написано на бланке «United States Lines. S. S. President Fillmore». См.: [30, с. 234–235].

17 декабря 1927 года в парижских «Последних новостях» появилась заметка с многозначительным, оснащенным многоточием, заголовком «А. Ветлугин... в «Возрождении»», где среди прочего сообщалось:

Реорганизация редакции газеты «Возрождение», по-видимому, закончилась. Из новых лиц, как нам сообщают, в состав редакции и сотрудников <...> уже вошел... г. А. Ветлугин.

Появление на столбцах «национальной» газеты небезызвестного автора «Записок мерзавца», работавшего сначала в «белом» Бурцевском «Общем Деле», затем в розовом сменовеховском «Накануне» и, наконец, больше двух лет редактировавшего красный большевистский «Русский Голос» в Нью-Йорке, несомненно, вызовет немалую сенсацию среди лиц, хорошо знакомых с шумной карьерой талантливого сподвижника Кирдецова. В «национальной» газете г. Ветлугин, конечно, будет выступать под псевдонимом [31, с. 3].

Редакция «Возрождения» отреагировала немедленно: на следующий же день на первой полосе газеты была напечатана пламенная отповедь «Кампания лжи «Последних новостей»», где, в том числе, без малейшего стеснения в выражениях, было сказано следующее: «Нужно быть совсем больным человеком, чтобы напечатать у себя в газете такую бессмыслицу, как сообщение о Ветлугине», – а позиция «Последних новостей» оценивалась как откровенное намерение «очернить» и «оклеветать конкурента» [32, с. 1]. Кроме того, главный редактор газеты Ю. Ф. Семенов заявил официальный протест относительно публикации «заметки фантастического характера о, якобы, состоявшемся вхождении в состав редакции «Возрождения» некоего большевика Ветлугина» [33, с. 1].

О том, какой эффект «история с Ветлугиным» произвела на эмигрантскую журналистику, написал в своем рождественском послании Владислав Ходасевич, ставший к этому времени постоянным автором «Возрождения». 25 декабря 1927 года он обратился к М. В. Вишняку с саркастической просьбой:

Умоляю Вас после моей смерти похлопотать, чтобы в Академическом издании моих сочинений не было ныне приписываемой мне заметки «Возрождения» по поводу истории с Ветлугиным. Ей-Богу, я пишу лучше! Там, помнится, меня поразила какая-то фраза, которая дважды повторяется, – а и вся-то заметка строк в 20! Потомки будут думать, что это стилистический прием, что это «фигура повторения» – а это просто какая-то беспомощная фигура топчется на одном месте [35, с. 269].

Прозрачно намекнув на Семенова как автора заметки в «Возрождении», он тут же пустил шпильку в адрес А. А. Полякова (1879–1971), секретаря противостоящей редакции, за год до этого – на пару с главным редактором П. Н. Милюковым – отказавшего Ходасевичу в сотрудничестве в «Последних новостях»²⁰:

Впрочем, говорят, что и присутствие Ветлугина в «Возрождении» «Посл<едние> Новости» угадали по стилю. Кажется, пойду к Полякову в ученики. Ведь если он Ветлугина умеет узнать, то уж, конечно, поможет нам, горемычным, найти

²⁰ «Милюков сказал ему однажды (когда он краткое время пытался работать в его газете «Последние новости»), что он газете совершенно не нужен <...>, а слова Милюкова звучали угрозой, потому что надо было платить за комнату в Притти-отеле, а я – ни заметками, ни стихами, ни первыми рассказами, ни крестиками не могла дотянуть до такой суммы» [34, с. 260, 261]. Последняя статья Ходасевича в «Последних новостях» – «О кинематографе» – была напечатана 28 октября 1926 года (№ 2045). «Советское описание» – первая обзорная заметка в «Возрождении» – появилась 24 февраля 1927 года (№ 632).

в «Литературной» Газете» все псевдонимные заметки Пушкина. А то мы сто лет бьемся, спорим, ошибаемся. А тут прямо не Поляков, а Лакмус [35, с. 269].

Кого эта история не затронула совершенно и никоим образом, это, собственно, самого Ветлугина. Он оказался в Америке гораздо раньше своих современников-эмигрантов, в особенности коллег по журналистскому цеху, которые переместились за океан после Второй мировой войны. Здесь он выступил в роли «пионера», первопроходца, который буквально подчинил себе читателей газеты «Русский голос». Впрочем, поприща газетного обозревателя Ветлугину было недостаточно, к тому же эмигрантский мирок выступал сильно сдерживающим фактором для реализации его предпринимательского таланта.

В декабре 1927 года, когда разыгрывалась «история с Ветлугиным», он был чрезвычайно далек не только от эмигрантской прессы, но и вообще от русских дел, разменяв нижний Манхэттен на Мэдисон Авеню и с головой уйдя в рекламное дело. Именно этот бизнес помог ему пережить Великую депрессию. *Voldemar Vetluguin* навсегда остался в истории американской журналистики и рекламы как создатель актуального до сих пор концепта «кавер-гёрл» – фотографии барышни на обложке.

К середине 1930-х он, тем не менее, вернулся к журналистике, но уже к американской, сотрудничая в популярных журналах. В «Либерти», чрезвычайно известном «еженедельнике для всех»²¹, он печатался под псевдонимом²², который был раскрыт вслед за появлением его панегирика актеру и режиссеру Григорию Ратову (1897–1960): «Фредерик Ван Райн, чья занимательная статья о Григори Ратофф есть в последнем выпуске “Либерти”, – псевдоним Вольдемара Ветлугина, ведущего редактора журнала “Красная книжка”»²³. Однако со временем даже кресло редактора-издателя этого популярного бульварного «журнала для молодых барышень» («Redbook: The Magazine for Young Women») ²⁴ не могло удовлетворить Ветлугина – его карьера стремительно двигалась в сторону Голливуда – одновременно «дикого Запада» и «земли обетованной», единственного места, где могла реализоваться его «американская мечта».

К концу Второй мировой войны Ветлугин уже был одним из ведущих продюсеров студии «Метро-Голдвин-Майер», в 1943 году став личным ассистентом киномагната Луиса Би Майера и возглавив сначала редакторский, а после сценарный отдел MGM²⁵. Осенью 1948 года главная тогда газета Голливуда «Motion Picture Herald» в заметке «Ветлугин – Продюсер студии МГМ» сообщала:

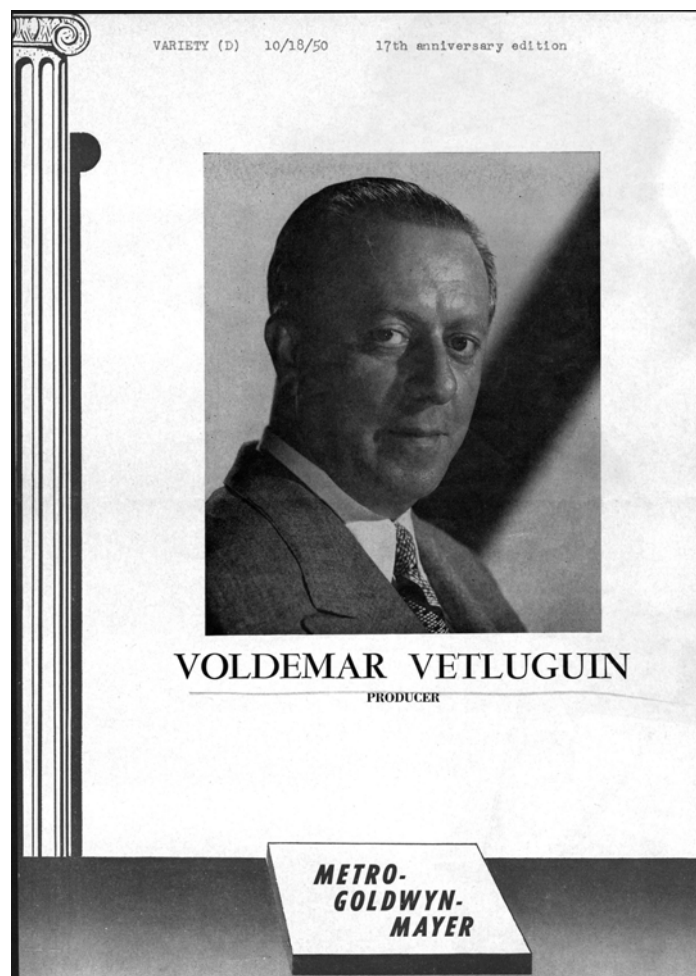
²¹ Подзаголовок журнальчика «Liberty: A Weekly for Everybody» был изменен на «самый читаемый еженедельник» («a best read weekly»), когда его тираж перевалил за миллион. Журнал упоминается в одном из лучших американских рассказов «Тайная жизнь Уолтера Митти» (1939) Джеймса Тёрбера, в романе «Источник» («Жизнь из вторых рук») Эйн Рэнд (1943). Кроме того, публиковавшиеся в журнале репортажи и художественные произведения послужили материалом для значительного количества голливудских фильмов и телесериалов.

²² «С 1933 г. <Ветлугин> писал в американских газетах и журналах под псевдонимом Frederick Van Ryne, отчасти используя в двух последних именах псевдонима свои настоящие имя и фамилию» [36, с. 149].

²³ «Frederick Van Ryne, whose entertaining article on Gregory Ratoff is in the current “Liberty”, is the pen name of Voldemar Vetluguin, associate editor of “Red Book”» [37, p. 21].

²⁴ Этот журнал существует до сих пор; с марта 1978 года как часть издательского конгломерата «Американский дом» («American Home»).

²⁵ Я признателен Ивану Толстому за портрет Ветлугина из архива MGM, любезно предоставленный им для публикации.

Voldemar Vetluguin. 1950

«Вольдемар Ветлугин, прежде возглавлявший редакционный отдел МГМ, произведен в продюсеры, было объявлено на минувшей неделе. <...> Г. Ветлугин готовится продюсировать “Ист-сайд, Вест-сайд”»²⁶. Дополнительные подробности сообщал еженедельник «The Publishers Weekly»: «Вольдемар Ветлугин получил повышение, будучи переведён из редакторского отдела в статус продюсера, и роман Марши Дэвенпорт “Ист-сайд, уэст-сайд”, изданный “Харпером” для боевого крещения»²⁷.

В этом статусе Ветлугин успел выступить продюсером двух фильмов производства МГМ: после «Ист-сайд, Вест-сайд» (1949) нью-йоркской криминальной

²⁶ «Vetluguin MGM Producer. Voldemar Vetluguin, formerly of the MGM editorial board, has been named a producer, it was announced last week... Mr. Vetluguin now is preparing to produce “East Side, West Side”» [39, p. 33].

²⁷ «Voldemar Vetluguin has been promoted from the editorial board to producer status and given Marcia Davenport’s Harper novel “East Side, West Side” to cut his teeth» [39, p. 948].

мелодрамы с Барбарой Стэнвик, Эвой Гарднер и Джеймсом Мэйсоном, играющих любовный треугольник (во второстепенной роли здесь снялась Нэнси Дэвис, вскоре поменявшая в замужестве фамилию на *Рейган*); Ветлугин продюсировал фильм Джорджа Кьюкора «Её собственная жизнь» («*A Life of Her Own*», 1950) с Ланой Тёрнер в главной роли, который после пятилетнего замешательства, последовавшего за ее предыдущим триумфом – «Почтальон всегда звонит дважды», – вернул ее в первый ряд звезд Голливуда.

15 мая 1953 года Ветлугин умер, и еженедельник «Билборд» следующим образом восстанавливал этапы его биографии в разделе некрологов:

ВЕТЛУГИН – Вольдемар.

15 мая в Нью-Йорке. В возрасте 56 лет, Холливудский продюсер и бывший редактор, кто первым сделал популярным жанр фотографии «кавер-гёрл» [или «барышня на обложке»]. Бывший директор танцовщицы Айседоры Дункан, в 1933–1943 гг. он писал статьи для журнала «Red Book» и там же работал редактором, пока не стал личным помощником Луиса Би Майера, киномагната²⁸.

Какой бы умозрительной показалась идея восстановить биографию Ветлугина как литературный сюжет, – наверное, стоит представить, каким неожиданным мог бы оказаться роман-продолжение «Записок мерзавца». К сожалению, он никогда так и не был написан.

Список литературы

1. *McWay G.* Isadora and Esenin. Ann Arbor, Michigan: Ardis, 1980.
2. *Соболев А. Л.* Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. М.: Трутень, 2013. Т. 1: Биографические очерки.
3. Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология / Сост. и биогр. статьи М. Л. Гаспарова, О. Б. Кушлиной, Т. Л. Никольской. СПб.: Деан, 2000.
4. *Ветлугин А.* Записки мерзавца: Моменты жизни Юрия Быстрицкого. Берлин: Русское творчество, 1922.
5. *Ветлугин А.* Сочинения: Записки мерзавца / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д. Д. Николаева. М.: Лаком, 2000.
6. [*Ветлугин А.*] Глава из романа «Записки Мерзавца». Рассказ человека с одиннадцатью платиновыми коронками» А. Ветлугина // Накануне. 1922. Литературное приложение. № 11, 23 июля. [Приложение к № 88]. С. 3–7.
7. Накануне. 1922. Литературное приложение. <№ 1>, 30 апр. [Приложение к № 29].
8. Накануне. 1922. Литературное приложение. № 6, 4 июня. [Приложение к № 57].
9. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7.
10. *Устинов А. Б.* Фиоретти Сан-Франциско // Городорог: Действие мест / Сост. А. Лебедев. Париж: Анонимные трудоволики, 2003. С. 57–86.
11. *Гуль Р. Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Нью-Йорк: Мост, 1984. Т. 1: Россия в Германии.

²⁸ «VETLUGUIN – Voldemar. / 56, Hollywood producer and former mag editor who was credited with popularizing the cover-girl photograph, May 15 in New York. The former manager of dancer Isadora Duncan, he was a writer and editor of Red Book magazine from 1933 to 1943, when he became an assistant to Louis B. Mayer, movie exec. Among the films Vetlugin produced are “East Side, West Side” and “A Life of Her Own”» [40, p. 54].

12. *Василевский (Не-Буква) И.* Документы современности // Накануне. 1922. Литературное приложение <№ 2>, 7 мая [Приложение к № 34]. С. 9.
13. *Дункан А.* Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин: Воспоминания. М.: Политиздат, 1992.
14. *Дункан И., Макдугалл А. Р.* Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. Г. Лахути. М.: Московский рабочий, 1995.
15. *Толстая Е. Д.* Постскрипtum к теме «Ветлугин и Алексей Толстой» // Toronto Slavic Quarterly. No. 18 (Fall 2006); URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/tolstaya18.shtml> (дата обращения 30.12.2016).
16. *Дон-Аминадо [Шполянский А. П.]* Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. (Сер. «Полка библиофила»)
17. *Белобровцева И. З.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон-Аминадо» // Работа и служба: Сборник памяти Рашита Янгирова / Сост. Я. С. Левченко. СПб.: Свое издательство, 2011. С. 205–231.
18. Сегодня (Рига). 1923. № 47, 1 марта.
19. За свободу! (Варшава). 1923. № 45, 25 февр.
20. Сегодня (Рига). 1923. № 53, 13 марта.
21. Накануне (Берлин). 1923. № 297, 29 марта.
22. Сегодня (Рига). 1923. № 67, 29 марта.
23. Сегодня (Рига). 1923. № 66, 28 марта.
24. Руль (Берлин). 1922. № 469, 3 июня
25. Накануне (Берлин). 1922. № 57, 4 июня
26. Последние новости (Париж). 1923. № 907, 5 апр.
27. Давид Бурлюк. К 25-летию художественно-литературной деятельности (стихи 1898 г. – 1923 г.). Нью-Йорк: М. Н. Бурлюк, 1924. (The Atlantic Bazar CO., Inc)
28. Накануне (Берлин). 1923. № 393, 25 июля.
29. *Коган П. С.* Литературные силуэты. Есенин // Красная новь. 1922. № 3. С. 254–259.
30. *Вдовин В. А.* Письма к Сергею Есенину // Вопросы литературы. 1977. № 6. С. 233–238.
31. Последние новости (Париж). 1927. № 2460, 17 дек.
32. Возрождение (Париж). 1927. № 929, 18 дек.
33. Последние новости (Париж). 1927. № 2463, 20 дек.
34. *Берберова Н. Н.* Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996.
35. [*Ходасевич В. Ф.*] Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925–1938) / Публ. Джона Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 262–291.
36. *Белобровцева И. З.* М. Булгаков и А. Ветлугин // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 149–163.
37. *Dixon H.* The Monday Wash // Pittsburgh Post-Gazette. 1941. Vol. 15. No. 75 (Oct. 27). P. 21.
38. Motion Picture Herald. 1948. Vol. 172, No. 10 (September 4).
39. The Publishers Weekly. 1948. Vol. 154 (September – October).
40. The Billboard (The Amusement Industry's Leading Newsweekly). 1953. Vol. 65. No. 22 (May 30).

A. Ustinov

San Francisco, USA

**BIOGRAPHY AS A PLOT:
A. VETLUGIN'S «AMERICAN DREAM»**

The article reconstructs the American years in the biography of Vladimir Ryndziun (1897–1953) better known as «A. Vetlugin» and a Hollywood producer «Voldemar Vetlugin». The author follows thirty years of Vetlugin's life (1923–1953), and demonstrates how his decision to move to America and how certain events in his American career were reflected upon in the Russian émigré newspapers.

Keywords: biography, plot, emigration, Russian Berlin, New York, San Francisco, Sergey Esenin, Isadora Duncan, Aleksandr Kusikov, Russian émigré press, newspaper journalism

Ustinov Andrei – PhD, D. Phil, Teaches Humanities in San Francisco. A Specialist in the History of Russian Culture of the 20th Century (abooks@gmail.com)